

УДК 93/94

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.58-73

ЧУДЕСА СВЯТЫХ В НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЦЕРКОВНОЙ ИДЕОЛОГИИ 20-30-х ГОДОВ XVI ВЕКА

А.Л. Новосёлов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается информативный потенциал чудес в составе Никоновской летописи. Под «чудом» понимается символический жанр древнерусской литературы, представленный повествованиями о неожиданном, сверхъестественном событии, происходящем по воле Бога и разрешающем какие-то земные проблемы. Анализируются чудеса русских святых: митрополита Петра, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского и др. Исследование взаимоотношений текстов, в которых описываются чудеса, содержащихся в житиях святых, летописях XV – начала XVI в. и Никоновском своде, позволило сделать вывод о значительной переработке этих сюжетов в 20–30-е годы XVI в. Выдвигается гипотеза, что это было связано с судебными процессами по делу Максима Грека и нестяжателей, которые высказывали сомнение в признании некоторых митрополитов и настоятелей монастырей чудотворцами. Данное предположение базируется на сопоставлении текстов с описаниями чудес в Никоновской летописи и «Судных списков Максима Грека». Вскрываются механизмы фальсификации предшествующих сведений о чудесах святых в летописях и житиях с целью усиления акцента на роли церковных деятелей в важнейших исторических событиях.

Ключевые слова: чудеса, Никоновская летопись, история русской церкви, святость, Россия, XVI век

На протяжении XV – XVI вв. получила распространение традиция ведения летописей при дворах митрополитов. Известны летописные памятники, созданные при кафедрах митрополитов Киприана, Геронтия, Иоасафа, Даниила и др. Митрополичье летописание отчетливо отразилось в Софийской II [1] и Львовской летописях (свод 1518 г.) [2], Иоасафовской летописи (1520 г.) [3] и, конечно, в Никоновской летописи (20-е годы XVI в.) [4]. Никоновская летопись является важнейшим историографическим произведением, самым обширным летописным памятником, уникальным по своему составу.

Благодаря своей пространности и оригинальности Никоновская летопись неизменно привлекала внимание историков. Наибольший вклад в ее изучение внес Б.М. Клосс. Им обстоятельно проанализированы ключевые аспекты истории текста летописи, литературного стиля составителей, идейной направленности их работы. Для правильного понимания отдельных сюжетов Никоновской летописи

необходимо кратко остановиться на основных выводах Б.М. Клосса о летописи в целом.

Исследователь рассматривает Никоновскую летопись как звено в системе мероприятий митрополичьей кафедры в 20–30-е годы XVI в. Составление летописи датируется 1526–1530 гг. [5, с. 54]. Не вызывает возражений церковный характер свода, что, в свою очередь, при подкреплении рядом доказательств позволяет обозначить московскую митрополичью кафедру в качестве места создания Никоновского свода [5, с. 55].

Летопись опирается на обширный круг источников: летописи, повести, сказания, жития и др. Основными летописными источниками Никоновского свода считаются Симеоновская [6], Иоасафовская и Новгородская Хронографическая летописи [7]. При этом составителей Никоновской летописи отличает последовательное редактирование любых источников, привлекаемых к созданию свода. Эта особенность позволила автору предположить, что работа над летописью была хорошо организована. Б.М. Клосс аргументированно доказал, что составителем и редактором Никоновской летописи был митрополит Даниил [5, с. 92–99].

Убедительно в книге также представлены не только текстологические характеристики Никоновской летописи, но и общественно-политические тенденции, на которые опирались ее составители: защита интересов митрополичьей кафедры; взаимоотношения светской и духовной властей; борьба с ересью и «дело» Максима Грека; русско-литовские отношения; интерес к истории Рязанского княжества [5, с. 100–107].

Таким образом, весьма точная атрибуция Никоновской летописи, осуществленная Б.М. Клоссом, позволяет исследователям сосредоточить внимание на ее отдельных сюжетах. Среди жанрового разнообразия произведений, включенных в состав летописи, особое место занимают чудеса. Установление источников, функций и значений чудес в тексте Никоновского свода позволит лучше понять идеологические установки составителей летописи, выявить практики осмысления и оценки ими исторических событий.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу чудес в Никоновской летописи, необходимо охарактеризовать их значение в основных источниках свода: Симеоновской, Иоасафовской и Новгородской Хронографической летописях, а также обратиться к историческому контексту 20-х годов XVI в.

Симеоновская летопись [6] восходит в первой части (1177–1412 гг.) к Троицкой летописи [8], во второй (1410–1493 гг.) – к Московскому летописному своду 90-х годов XV в. [9]. Для Троицкой летописи, созданной предположительно при митрополичьем дворе, характерна ориентация на союз церкви и московской великокняжеской власти. Идеологическим выражением этого союза стал культ святого митрополита Петра. Троицкая летопись последовательно фиксирует посмертные чудеса Петра: 1351, 1372 и 1395 гг. (ТЛ, с. 371, 394, 445). В Симеоновской летописи перечень чудес у гроба митрополита Петра дополнен чудесами 1408, 1416, 1472 гг. (СЛ, с. 154, 163, 241), которые также присутствуют и в Московском летописном своде конца XV в. Следует отметить, что тексты Симеоновской, Троицкой летописей и Московского летописного свода крайне скупы на упоминание чудес. Исключение составляют именно посмертные чудеса митрополита Петра. Это общее место как для митрополичьего, так и для

великокняжеского летописания окажется сохранено и значительно усилено в Никоновской летописи, в которой ряд событий, ранее не связанных с именем московского митрополита, будут интерпретироваться как чудеса Петра.

Другой источник Никоновского свода, Иоасафовская летопись была создана при митрополичьей кафедре в Москве: в ее содержании прослеживается осведомленность авторов в делах кафедры (ИЛ, с. 4). Кроме того, часть вписок в летописи, отсутствующих в других летописных сводах рубежа XV – XVI в., указывает на использование составителями митрополичьих источников [10, с. 369–402]. Период создания Иоасафовской летописи установлен весьма точно – это 1520–1530 гг. [3]. Исследователями замечено, что данная летопись базируется на московском великокняжеском летописании, которое дополнено «материалами церковного происхождения (известия из свода 1518 г., рассказы о чудесах при гробницах Петра и Алексея, и др.)» [3]. Иоасафовская летопись, как доказал Б.М. Клосс, служила непосредственным источником Никоновской летописи [5, с. 35].

Следует обратить внимание на то, что составителей Никоновского свода при отборе источников, вероятнее всего, интересовали те летописные своды, которые содержали пространную информацию о московских митрополитах и их чудесах в частности. Так Б.М. Клоссом отмечено, что для Симеоновской летописи и для Хронографического списка Новгородской 5-й летописи характерны пометы на полях с упоминанием митрополитов [5, с. 39]. Хронографический список Новгородской 5-й летописи – летопись конца XV в., источник новгородских сведений для Никоновского свода – содержит весьма редкие и лаконичные сообщения о чудесах. Например, подробный в других летописях рассказ о чуде с Наумом у гроба митрополита Алексея 1463 г. в Хронографическом списке излагается в одном предложении (НПЛ, с. 148), и в то же время последовательно фиксируются обретения мощей московских митрополитов и их перенесение (НПЛ, с. 150, 152).

Таким образом, на основе анализа основных источников Никоновского свода можно сделать заключение, что составителей летописи крайне интересовали московские митрополиты и их чудеса. Подобный интерес нельзя объяснить только тем, что редактором свода был митрополит Даниил. На наш взгляд, на это существенно повлияли и определенные церковно-политические события 20-х годов XVI в.

В 1525 и 1531 гг. были проведены два церковных собора, судивших Максима Грека. В 1525 г. греческий богослов арестован и обвинен в ереси. Через 6 лет Максим Грек был осужден повторно. Материалы соборов, судивших Максима Грека, послужили основой для «Судного списка Максима Грека». «В тексте Никоновской летописи, составленной в промежутке между двумя указанными соборами, – согласно наблюдениям Б.М. Клосса, – имеется немало параллелей с Судным списком» [5, с. 101].

Основательное источниковедческое исследование «Судного списка Максима Грека» провел А.И. Плигузов (см. [11]). Среди обвинений, выдвинутых против богослова на соборе 1531 г., наибольший интерес представляет осуждение «Максимом “здешних русских чудотворцев” как стяжателей и резоимцев» [12]. Как известно, разногласия церковных иерархов по поводу церковного стяжательства восходят к собору 1503 г. Последующие десятилетия в отечественной

историографии именуется временем противоборства «иосифлян» и «нестяжателей». Максим Грек критиковал как вотчинные владения монастырей и церквей, так и порядок проставления русских митрополитов без согласия патриарха. Однако этот вопрос был тесно связан и с прославлением русских святых в качестве чудотворцев. Дело в том, что Максиму Греку и Вассиану Патрикееву на соборе 1531 г. было предъявлено обвинение: «А чудотворцев называеши смутотворци, потому что они у монастырей села имеют и люди» (цит. по [12]). На допросе Максим Грек отрицал пункт, в котором утверждалось, что он осуждал за стяжательство всех русских чудотворцев, в том числе Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, митрополитов Петра, Алексея и Иону. Согласно его утверждениям, свои сомнения он высказал лишь в адрес Пафнутия Боровского: «...Он держал села, и на денги росты имал, и люди и слуги держал, и судил, и кнутъем бил, ино ему чудотворцем как быти?» (цит. по [12]). Вассиан Патрикеев на том же допросе усомнился в том, возможно ли называть митрополита Иону чудотворцем, а про Макария Калязинского высказался следующим образом: «Что ся за чудотворцы? Сказывают, в Колязине Макар чудеса творит, а мужик был сельской» (цит. по [12]). Таким образом, составители «Судного списка» стремятся подчеркнуть, что идеи «нестяжателей» о монастырском землевладении преступны тем, что позволяют усомниться в прославленных русских чудотворцах.

Как отмечается в литературе, для Никоновской летописи характерен повышенный интерес к вопросу о церковном землевладении и о власти русских митрополитов. Однако от внимания исследователей ускользал не менее важный аспект: подобный же интерес проявлялся и к чудесам русских святых (митрополитов и настоятелей монастырей особенно). Если предположить, что материалы Никоновской летописи призваны были выступить в качестве опровержения взглядов «нестяжателей» и Максима Грека на соборах 1525 и 1531 гг., то составителям свода под руководством митрополита Даниила требовалось последовательно зафиксировать не только земельные аспекты деятельности русских чудотворцев, но и их чудеса.

В первую очередь следует отметить, что в Никоновской летописи имеются сообщения, указывающие на святость Пафнутия Боровского и Макария Калязинского. Именно эти святые чудотворцы, как сказано выше, подверглись критике со стороны Максима Грека и Вассиана Патрикеева на соборе 1531 г. Но, прежде чем перейти к анализу сообщений Никоновской летописи о названных чудотворцах, необходимо сделать несколько важных замечаний. Та редакция летописи, которая создавалась в канцелярии митрополита Даниила, доводила изложение событий до 1520 г. Впоследствии этот текст был дополнен материалами Воскресенской летописи (статьи 7029–7041) и «Летописца начала царства» [5, с. 197]. Сведения о Пафнутии Боровском и Макарии Калязинском попадают именно в промежуток между 1521 и 1531 гг. и, соответственно, добавлены в Никоновский свод из Воскресенской летописи. По всей видимости, тексты Воскресенской летописи, включенные в состав Никоновской летописи в 50-е годы XVI в., представляют собой особую группу сообщений, не идентичную аналогичным сообщениям списков самой Воскресенской летописи (ВЛ, с. 2). Можно только предположить, что этими материалами создатели Никоновской летописи располагали, но не успели внести их в текст произведения.

Макарий Калязинский (1402–1483) – тверской святой, основатель Троицкого Калязинского мужского монастыря. В Никоновской летописи под 1521 г. помещена краткая запись об обретении мощей Макария: «...Въ Калязине монастре, начаша копати рвы на основание церкви святя и живоначальныя Троица и обретоша мощи преподобнаго игумена Макарья, начальника месту тому, целы неврежденны, и ризы его не ислеша; увидевши и удивившася и прославиша Бога, прославляющаго святя своя» (НЛ13, с. 37). Считаем, что данная запись Никоновского свода является оригинальной, так как митрополит Даниил был современником этого события и именно при нем в 1523 г. совершилась канонизация Макария. Результаты текстологического изучения памятников, связанных с Макарием Калязинским, представлены в статье Г.С. Гадаловой. Исследовательница пришла к выводу, что вскоре после обретения мощей преподобного некий чудовский инок составил Сказание об обретении мощей – изначальный источник для Жития 40-х годов XVI в. [13, с. 53]. В силу того, что целостного текста Жития Макария во время создания Никоновской летописи еще не существовало, составители свода не пишут об исцелении больных во время обретения мощей и о посмертных чудесах. Упоминание в Никоновской летописи Макария Калязинского явно имело политические причины: митрополит Даниил стремился подчеркнуть значимость князя Юрия Ивановича Дмитровского, претендовавшего на великое княжение (Макарий считался покровителем Юрия). Однако летописная запись об обретении нетленных останков Макария, безусловно, призвана была санкционировать его скорую канонизацию и прославление как чудотворца.

Сложнее истолковать запись о Пафнутии Боровском (1394–1477), основателе Боровского монастыря. В Никоновской летописи под 1477 г. читаем сообщение о преставлении Пафнутия (НЛ12, с. 17). Текст этот восходит к «Рассказу о смерти Пафнутия Боровского», который был написан его учеником Иннокентием в 1477–1478 гг. [14, с. 519]. В «Рассказе...» достаточно подробно описываются последние дни жизни преподобного. Составители Никоновского свода позаимствовали из него лишь один сюжет, связанный с тем, что в погребении Пафнутия не участвовали миряне. Горожане и вельможи пришли в монастырь уже после погребения. В «Рассказе...» не встречается изображения чудес Пафнутия. Вероятнее всего, это связано с литературными особенностями данного произведения, которое отличает нетипичный для агиографии «натурализм» [14, с. 519]. Житие Пафнутия, составленное Вассианом Саниным и сохранившееся в редакциях середины XVI в., напротив, содержит описания чудес [15]. Однако все-таки в Никоновской летописи есть указание на то, что Пафнутий почитается как чудотворец. В сообщении 1530 г. о крещении Ивана Грозного замечается, что крестниками младенца стали старец Иосифо-Волоколамского монастыря Кассиан и игумен Троицкого монастыря в Переславле-Залесском Даниил. И Кассиан, и Даниил «имяху оба едино пострижение во обители Пафнутия чудотворца боровскаго» (НЛ13, с. 50). Важно отметить, что вскоре после этого, в 1531 г., митрополит Даниил «благословил петь канон и житие Пафнутия» [16, с. 83], то есть признал его святость. Канонизирован Пафнутий Боровский был в 1547 г. на Макарьевском соборе.

Святые чудотворцы Макарий Калязинский и Пафнутий Боровский нечасто упоминаются в Никоновской летописи, что связано с поздним временем начала

их почитания. Однако сообщение о них как о чудотворцах в летописи имеется, и по сему считаем возможным предположить, что одним из поводов для этого служило стремление осудить скептическое к ним отношение Максима Грека и Вассиана Патрикеева.

В оригинальном тексте Никоновского свода (до 1520 г.) насчитывается 6 чудес Сергия Радонежского: победа над Мамаем 1380 г. (НЛ11, с. 46); видение Богородицы 1382 г. (НЛ11, с. 145); избавление от Темир Аксака 1395 г. (НЛ11, с. 249); примирение Дмитрия Шемяки и Василия II 1449 г. (НЛ12, с. 74); покорение Новгорода 1478 г. (НЛ12, с. 171); избавление от дождя 1518 г. (НЛ13, с. 29). Если первые два чуда являются прижизненными и восходят к Житию Сергия Радонежского, то остальные чудеса посмертные и представляют собой оригинальные известия Никоновского свода. Такой вывод базируется на том, что Житие Сергия Радонежского в составе Никоновской летописи, как это установлено Б.М. Клоссом, восходит к Пространной и Второй Пахомиевской редакциям в значительной литературной обработке, а также частично к Симеоновской летописи [17, с. 258]. В последней, равно как и в других летописных источниках Никоновского свода, упоминаний о чудесах Сергия Радонежского практически не встречается. По всей видимости, необходимость в летописной фиксации чудес преподобного компенсировалась наличием с начала XV в. его Жития. Житие Сергия Радонежского, составленное Епифанием Премудрым в 1417–1418 гг., впоследствии неоднократно подвергалось редактированию [18]. Каждая последующая редакция отличалась от предыдущей как изменениями в описании жизни преподобного, так и добавлением его новых посмертных чудес.

Так, в Третьей редакции Жития (1442 г.) акцент делается на чудесной способности преподобного примирять враждующих князей [17, с. 168], причиной чего, вероятно, является то, что в 1442 г. примирились Василий II и Дмитрий Шемяка. В заключении dokonчания князей 1442 г. согласно традиции зафиксировано, что Дмитрий Иванович «целует крест» Василию Васильевичу (ДДГ, с. 109). Тем не менее на этом междоусобная война не закончилась. Очередное «примирение» Шемяки с Василием II было скреплено dokonчанием 1449 г., которое не дошло до нас [19, с. 134]. Между тем в Никоновском своде упоминается, что в 1449 г. Дмитрий Иванович «начать мира просити и крестъ на томъ целоваль и грамоты проклятыя на себя даль...», что если Шемяка нарушит мир, то «не буди на мне милости Божии и пречистыя Матери Его... и великихъ чудотворцевъ земли нашея, пресвященныхъ митрополитовъ Петра и Алексия, и Леонтия епископа Ростовскаго чудотворца, и Сергия игумена чудотворца, и прочихъ; такоже не буди на мне благословения всехъ епископовъ земли Русьския, иже суть ныне по своимъ епископиямъ, и иже всехъ подъ ними священническаго чина» (НЛ12, с. 74). В этом отрывке явно усилена роль церкви: Шемяке грозит не только наказание от святых, но и неблагоприятное церковных иерархов. Составители Никоновского свода в этом эпизоде стремились подчеркнуть, что примирение князей в междоусобных войнах – чудо святых и пособничество церкви.

Заметим, что для княжеских dokonчаний XV – начала XVI вв. не характерно подобное перечисление святых. Исключение составляют договорные грамоты Василия II с Можайским князем Иваном Андреевичем 1448 г., в которых также упоминаются митрополит Петр, епископ Леонтий и преподобный Сергей (ДДГ,

с. 150–155). Чем можно объяснить подобное отступление от обычая? Осмелимся предположить, что это связано с канонизационными процессами 1448–1449 гг., инициированными поставленным 15 декабря 1448 г. митрополитом Ионой. В это время заложено начало почитания митрополита Алексея, а также начинается прославление Сергия Радонежского [20]. В грамоте митрополита Ионы к Шемяке (1449/1450 гг.) предстоятель называет Сергия преподобным и грозит Шемяке лишить его милости русских святых [20]. Тем самым закрепляется вера в возможность чудесного вмешательства святых чудотворцев, в частности Сергия Радонежского, в борьбу великого московского князя с его противниками, преступившими клятвы.

Со времен Василия II Сергей стал считаться личным небесным покровителем великих князей. Московские правители часто ездили на богомолье в Троицкий монастырь [21, с. 230]. Важное место среди легендарных преданий о чудесах Сергия, на которых крепилось почитание святого московскими князьями и царями, занимало чудесное предсказание Софье Палеолог о рождении сына Василия (НЛ12, с. 191). Вероятнее всего, «Повесть о чудесном рождении Василия III» имела самостоятельное литературное значение [22, с. 26]. Текст «Повести...» встречается только в Шумиловском томе Лицевого летописного свода (НЛ12, с. VI), поэтому не может быть отнесен к оригинальным сообщениям Никоновской летописи. Более того, по мнению В.В. Морозова, сам характер «Повести о чудесном рождении Василия III» свидетельствует о том, что в 20-е годы XVI в. такое произведение не могло быть внесено составителями Никоновской летописи в свод. Его следует рассматривать как элемент житийного по своей форме повествования о княжении Василия III, которое характерно для Лицевого свода [22, с. 151]. С другой стороны, вопрос о том, известна ли была «Повесть...» митрополиту Даниилу, остается открытым, так как точно не установлено время ее создания. Б.М. Клосс не приводит датировки «Повести...», отмечая лишь то, что как самостоятельное произведение она была записана в XVI в. и дошла до нас только в списках XVII в. [17, с. 223]. Исследователь биографии Василия III А.И. Филюшкин считает, что «Повесть...» «была сочинена уже после смерти Василия III митрополитом Иоасафом, занимавшим кафедру в 1539–1542 годах» [23, с. 11].

Если «Повесть о чудесном рождении Василия III» существовала в том виде, в котором дошла до нас в Лицевом летописном своде, то создателей Никоновской летописи она могла не устроить тем, что больше прославляла князя Василия III, чем утверждала чудотворную славу Сергия Радонежского.

Еще одним святым чудотворцем, которого якобы «укорял и хулил» Максим Грек, был Варлаам Хутынский. Никоновская летопись не фиксирует чудеса этого святого. Вероятно, это связано с тем, что уже существовал свод 1518 г., отразившийся в Софийской II и Львовской летописях, в котором Варлааму и его чудесам уделено особое внимание. Однако в статье 6751 Никоновского свода помещено сообщение «О преподобномъ Варлааме, Хутыньскомъ чюдотворце», в котором говорится о преставлении «великого чюдотворца» и упоминаются его неисчислимые «чюдесы, якоже доволно о немъ поведании въ тръжественомъ его чтении» (НЛ10, с. 128). Тем самым составители Никоновской летописи доказывают чудотворение Варлаама.

Итак, сообщения Никоновской летописи о чудесах преподобных Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Макария Калязинского и чудотворца Пафнутия Боровского призваны были наравне с известиями о землевладении монастырей опровергнуть обвинения, якобы исходившие от Максима Грека, в стяжательстве чудотворцев. Причем митрополит Даниил не стал вводить в текст летописи многочисленные сообщения о творимых ими чудесах, ограничившись краткими доказательными известиями об их одаренности чудотворением. Однако в отношении святых митрополитов Петра и Алексея наблюдается иная картина.

Фигура митрополита Петра являлась неотъемлемой частью московского летописания XV – XVI вв. Летописи этого периода последовательно фиксируют посмертные чудеса святителя. В Никоновской летописи Петр выступает одним из главных персонажей. Составители свода во главе с митрополитом Даниилом настойчиво усиливают роль митрополита Петра в событиях прошлого, видя в удачах Москвы его чудесное вмешательство. Поэтому для Никоновской летописи характерно не только внимание к вопросу о поставлении московских митрополитов, поднятому в связи с делом Максима Грека, но и прославление митрополита Петра как главного русского святого чудотворца. Это в первую очередь доказывает частота упоминаний митрополита в Никоновской летописи: в оригинальном тексте свода (до 1520 г.) о святителе пишется около 50 раз. Половину всех упоминаний составляют сообщения о посмертных чудесах Петра, молитвенные обращения к нему с просьбой о помощи или благодарностью, сведения об обретении и перенесении мощей.

Сложным представляется вопрос об источниках, из которых заимствованы чудеса митрополита Петра. В описании чудес святителя текст свода следует за Симеоновской летописью, значительно дополняя и корректируя ее. Чудеса второй половины XV в. в Никоновской летописи полностью соответствуют ее прямому источнику, вышедшему также из митрополичьей среды, – Иоасафовской летописи.

Заимствуя описание того или иного чуда из источников, составители Никоновской летописи подвергали его литературной переработке. Например, в описании чуда 1348 г. в Симеоновской летописи читается о «некой девице с прикорченной рукой», получившей исцеление у гроба чудотворца (СЛ, с. 96). О том же чуде в Никоновской летописи говорится уже, что девица пребывала в «великой болезни» (НЛ10, с. 219), и поэтому подразумевается большая чудотворная сила останков святителя. Кроме того, в отличие от предшествующих летописей в Никоновском своде при описании чудес митрополит Петр именуется устойчивым словосочетанием: «святый чудотворец Петр, митрополит Киевский и всея Руси». В Симеоновской летописи в сообщениях до начала XV в. митрополит Петр упоминается только как святой и лишь в последующих статьях к его имени добавляется чин «чудотворец». Вероятнее всего, это связано с тем, что культ святителя получает значительное развитие на рубеже XIV – XV вв. благодаря деятельности митрополита Киприана. Составителям Никоновской летописи, создававшейся в условиях борьбы со взглядами нестяжателей, важно было не только изобразить митрополита Петра как символ преемственности Московской митрополичьей кафедры от Киевской, но и акцентировать внимание на его легитимности как чудотворца.

Переработка предшествующих сообщений о чудесах в Никоновской летописи могла быть и более существенной. Доказательством тому служит история о чудесном исцелении золотоордынской ханши Тайдулы. Несмотря на то что это чудо приписывалось митрополиту Алексею, в Никоновской летописи упоминается митрополит Петр: «И божию милостию... и великого чудотворца Петра царицу Таидалу исцели» (НЛ10, с. 229).

Если исцеления от гроба митрополита Петра встречаются и в предшествующих летописях, то воинские чудеса, приписываемые святителю, носят оригинальный характер. Защита Алексина в 1348 г., война с Мамаем в 1380 г., спасение от Тамерлана в 1395 г., спасение от Едигея в 1409 г., спасение от Мазовши в 1451 г., покорение Новгорода в 70-е годы XV в. – все эти события в изложении Никоновского свода в отличие от всех предшествующих летописей трактуются как чудеса митрополита Петра.

«Сказание о Мамаевом побоище» в Никоновской летописи представлено в Киприановской редакции. Б.М. Клоссом достоверно установлено, что новый вариант «Сказания о Мамаевом побоище» был создан митрополитом Даниилом [5, с. 132–133], редактором Никоновской летописи, в 1526–1528 гг.

Исследователями отмечается ряд особенностей Киприановской редакции. Так, обращает на себя внимание ярко выраженный церковно-религиозный оттенок в описании событий, изложенных под 1380 г.: большая роль митрополита Киприана, покровительство митрополита Петра, перечисление святых в заглавии [24].

Л.А. Дмитриевым установлено, что Даниил при создании своего варианта «Сказания о Мамаевом побоище» опирался на Основную редакцию этого произведения, которую, однако, подверг сильной переработке. Кроме того, автор Киприановской редакции использует Пространнюю летописную повесть о событиях 1380 г., которую также видоизменяет в соответствии со своими целями [25, с. 336]. Наконец, Даниил включает в текст новые оригинальные сведения: рассказ о поставлении Киприана на митрополию, участие в Куликовской битве Ивана Всеволодовича Холмского, имя противника Пересвета Темир-мурзы [25, с. 336, 404–406].

Существует Летописная редакция «Сказания о Мамаевом побоище», представленная в Вологодско-Пермской летописи и датируемая временем ее создания (конец XV – начало XVI в.), которая, так же как и Киприановская, опирается на Основную редакцию, но включает ряд изменений и переработок [24].

Важной особенностью Киприановской редакции является то, что уже в заголовке подчеркивается связь победы над татарами с чудесной помощью святых: «Повесть полезна бывшего чудеси, егда помощь Божию и пречистыя Его Матери Богородицы, и угодника Ихъ святаго чудотворца Петра митрополита всея Руси, и преподобнаго игумена Сергия чудотворца, и всехъ святыхъ молитвами князь велики Дмитрий Ивановичь... прогна Волжския орды гордаго князя Мамаю...» (НЛ11, с. 48).

В заглавии Основной редакции «Сказания...», на которую опирается текст Никоновской летописи под 1380 г., также подчеркивается факт божественной помощи Дмитрию Ивановичу в изгнании Мамаю, но ни Петр, ни Сергей не упоминаются (СМП, с. 25). То же наблюдаем в Летописной редакции, содержащейся в Вологодско-Пермской летописи (ВПЛ, с. 125).

Во всех рассматриваемых вариантах «Сказания...» (Пространная летописная повесть, Основная редакция, Летописная редакция по Вологодско-Пермской летописи и Киприановская редакция по Никоновской летописи) чудо победы над Мамаем сводится непосредственно к вмешательству небесного воинства в решающий бой 8 сентября на Куликовом поле. Чтобы выделить отличительные особенности этого чуда в Никоновской летописи, важно сопоставить его описание в ней с другими редакциями.

В наиболее раннем варианте, в Пространной летописной повести, чудо 1380 г. сводится к следующему. По свидетельству повести, «видиша бо вернии, яко в 9 часть бьющеса ангели помагають крестьяном и святых мученикъ полкъ, воина Георгия и славнаго Дмитриа и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, в них же бе воевода свершеннаго полка небесных вой архистратиг Михаил» (ПСП, с. 21), из чего можно предположить, что чудесная победа приписывается русским святым Борису и Глебу. Это вполне соответствует традиции воинских чудес, часто встречавшихся в летописях, которые велись при дворах удельных и великих князей.

В Основной редакции роль Бориса и Глеба в исходе войны с Мамаем уточняется и расширяется. Сообщается, что накануне битвы некому Фоме Кацибее явилось видение: «От полуденный же страны приидоша два юноши, имуща на себе светлыи багряница, лица их сияюща, аки солнце, въ обоихъ руках у них острые мечи, и рекуще пльковником: “Кто вы повеле требити отечество наше, его же намъ господь дарова?”. И начаша их сещи и всех изсекоша, ни единъ от них не избысть» (СМП, с. 41). После рассказа Фомы о своем видении князь Дмитрий Иванович обратился с молитвой к Борису и Глебу (СМП, с. 41). Далее дважды подчеркивается, что помощью этих святых и была одержана победа (СМП, с. 45).

В Пространной летописной повести, как и в Основной редакции, помимо Бориса и Глеба достаточно важное место отводится Сергию Радонежскому. Роль Сергия в источниках Куликовского цикла попытался оценить И.Н. Данилевский. Он исходит из того, что сведения о Сергии Радонежском в сказаниях и повестях о Куликовской битве на протяжении XV в. менялись. Если первоначально в Пространной летописной повести присутствует только сообщение о грамоте Сергия с благословением, то в последующих редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» появляется развернутый рассказ о визите Дмитрия Ивановича в Троицкий монастырь. Дополнение сведений о роли Сергия Радонежского в победе над Мамаем И.Н. Данилевский связывает со стремлением церкви в 70–80-е годы XV в. (время создания «Сказания о Мамаевом побоище») к подчеркиванию своей значимости в борьбе с Ордой [26, с. 480–482]. Несмотря на это, оснований для приписывания чуда победы над Мамаем в 1380 г. Сергию Радонежскому ни в Пространной летописной повести, ни в Основной редакции не встречаем.

В Основной редакции появляется упоминание чудотворца Петра. Как и в случае с Сергием, причины этого можно видеть в событиях 70–80-х годов XV в., когда создавалось «Сказание о Мамаевом побоище». В частности, конфликт Ивана III с митрополитом Геронтием в конце 70-х годов XV в. подтолкнул церковь к более твердому отстаиванию своих позиций, в том числе через обращение

к примерам прошлого. Так, в «Сказании...» изображена сцена истовой молитвы Дмитрия Ивановича у гроба митрополита Петра перед началом войны с Мамаем (СМП, с. 32). Петр в этом отрывке назван «стражем крепким от супротивных нападений» (СМП, с. 32). Далее, непосредственно перед Куликовской битвой князь Дмитрий Иванович обращается с молитвой к чудотворцу Петру, «надеясь на его милость» (СМП, с. 39). Наконец, после битвы Дмитрий Донской произносит, что «враги наши побеждены» «пособием и молитвами» Бориса и Глеба, Петра, Сергия и всех святых (СМП, с. 46). На первое место в этом варианте «Сказания...» поставлены именно Борис и Глеб, что подчеркивает их первостепенную роль в произошедшем чуде.

Летописная редакция «Сказания...», содержащаяся в Вологодско-Пермской летописи, в объяснении чуда 1380 г. в точности следует Основной редакции. Победа объясняется чудесной помощью Бориса и Глеба (ВПЛ, с. 142). В перечислении святых в благодарственной молитве после Куликовской битвы Борис и Глеб также предшествуют Петру и Сергию Радонежскому (ВПЛ, с. 143).

Совершенно иная картина в объяснении чудесной победы над Мамаем представлена в Киприановской редакции, входящей в Никоновскую летопись. Как уже говорилось ранее, в заголовке этого произведения митрополита Даниила события 1380 г. названы чудом митрополита Петра, Сергия и всех святых. Но центральное место в тексте Даниила отводится именно чудотворцу Петру. Об этом косвенно свидетельствует частота упоминаний Петра: на протяжении всего текста «Сказания...» в Никоновской летописи чудотворец Петр упоминается 15 раз, Сергий Радонежский – 9, Борис и Глеб – дважды.

Как и в предыдущих редакциях, в Никоновской летописи под 1380 г. Дмитрий Иванович обращается с молитвой к митрополиту Петру перед началом войны с Мамаем (НЛ11, с. 53) и в заключительной благодарственной молитве (НЛ11, с. 62–63). При этом порядок упоминания святых в благодарности Дмитрия Ивановича изменен: на первом месте оказывается «великий чудотворец Петр», далее следуют «чудотворец Сергий» (в предыдущих редакциях о «чудотворности» Сергия не говорится), Борис и Глеб и все святые. Содержание самого чуда остается прежним: «Яко невидимою Божию помощью побежени быша Измаилтяне и на насъ милость Божиа возсиа» (НЛ11, с. 63).

Автор Киприановской редакции, делая дополнительный акцент на роли чудотворца Петра, добавляет несколько не встречавшихся ранее молитвенных обращений князя Дмитрия Ивановича к митрополиту Петру: князь «возложил печаль свою на святого чудотворца Петра и всех святых», перед тем как узнал о готовящемся нашествии Мамаея (НЛ11, с. 51), перед переправой через Дон он помолился «великому чудотворцу Петру и всем святым» (НЛ11, с. 56).

Митрополит Даниил в своем изложении «Сказания...» дополняет и видение Фомы Кацибя. Так, некие Василий Капица и Семен Антонов, по сообщению Никоновской летописи, видели накануне битвы, как митрополит Петр своим жезлом отгоняет «множество ефиопъ» (НЛ11, с. 58). При этом видение с Петром описано подробнее и больше по объему, чем видение Кацибя с Борисом и Глебом.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в интерпретации составителей Никоновской летописи победа над Мамаем – чудо в первую очередь митрополита

Петра. Вероятнее всего, причины подобной трансформации объяснения чуда 1380 г. связаны с личностями составителей [27, с. 322–323]. Если в ранних вариантах описания событий войны с Мамаем главными святыми предстают Борис и Глеб, то закономерно предположить, что эти источники так или иначе связаны с великокняжеской средой, так как Борис и Глеб – покровители князей-воинов. Введение в повествование Петра и Сергия было обусловлено интересами церкви. Сергий являлся участником событий, поэтому его роль в победе оценивается мирским подвигом. Хотя в Никоновской летописи авторы и называют Сергия чудотворцем, само чудо все-таки приписывается Петру. Митрополит Даниил мог преследовать сразу несколько целей, прославляя чудотворца Петра: подчеркивание роли церкви в победе над Мамаем, прославление Москвы, укрепление общерусского почитания Петра. В контексте Никоновской летописи Даниилу важно было доказать своим оппонентам – нестяжателям, что Петр – великий чудотворец и его вмешательство в исход важнейшей войны Московского государства не подлежит сомнению.

Подводя итоги, следует отметить, что на чудеса в Никоновской летописи возложено выполнение вполне определенных идеологических функций, которые делают их, с одной стороны, непригодными в качестве достоверного исторического источника, но с другой – весьма любопытными в отношении истории общественно-политической мысли 20–30-х годов XVI в. На материалах текстов, в которых описываются чудеса, прослеживается технология создания церковными авторами ангажированного текста Никоновской летописи, которая должна была стать массивным сводом опровержений нестяжательных взглядов в отношении русских чудотворцев на судебных процессах 1525 и 1531 гг. Кроме того, летописные чудеса позволяют оценить роль составителей Никоновского свода в утверждении культа митрополита Петра, призванного символизировать лидерство Москвы, а также союз церкви с великокняжеской властью.

Источники

- ТЛ – *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста / М.Д. Приселков. – СПб.: Наука, 2002. – 512, [2] с.
- СЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. – СПб.: Тип. М.А. Александровна, 1913. – 320 с.
- ИЛ – Иоасафовская летопись / Текст подготовлен к изданию А.А. Зиминим, С.А. Левиной. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 240 с.
- НПЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 4. IV. V. Новгородские и псковские летописи. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. – 372 с.
- ВЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. – М.: Яз. рус. культуры, 2001. – X, 345 с.
- НЛ13 – Полное собрание русских летописей. Т. 13. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Половина 1-я. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. – V, 302 с.; Половина 2-я. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – VIII, 230 с.
- НЛ12 – Полное собрание русских летописей, Т. 12. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. – VI, 266 с.

- НЛ11 – Полное собрание русских летописей. Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. – VII, 254 с.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. / Подготовил к печати Л.В. Черепнин; под ред. С.В. Бахрушина. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 594 с.
- НЛ10 – Полное собрание русских летописей. Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: Тип. МВД, 1885. – 248 с.
- СМП – Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция / Перев. В.В. Колесова // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, 1982. – С. 25–48.
- ВПЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук, 1959. – 415 с.
- ПЛП – Пространная летописная повесть / Перев. Л.А. Дмитриева // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, 1982. – С. 16–24.

Литература

1. Летопись Софийская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4296>, свободный.
2. Летопись Львовская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4283>, свободный.
3. Летопись Иоасафовская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4280>, свободный.
4. Летопись Никоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4286>, свободный.
5. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. – М.: Квадрига, 2018. – 366 с.
6. Летопись Симеоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4294>, свободный.
7. Летопись Новгородская Хронографическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4292>, свободный.
8. Летопись Троицкая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4299>, свободный.
9. Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4273>, свободный.
10. *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. – М.: Наука, 1969. – 555 с.
11. *Плигузов А.И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. – М.: Квадрига, 2017. – 420 с.
12. *Покровский Н.Н.* Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/sudnye-spiski-maksima-greka-i-isaka-sobaki, свободный.
13. *Гадалова Г.С.* Канонизация преподобного Макария Колязинского, службы и жития святого: (по материалам конференции) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 3. – С. 43–53.
14. *Дмитриев Л.А.* Рассказ о смерти Пафнутия Боровского. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7. – С. 519–521.

15. Вассиан Санин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3761>, свободный.
16. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1998. – 605 с.
17. Клосс Б.М. Избранные труды. – М.: Яз. рус. культуры, 1998. – Т. 1: Житие Сергия Радонежского. – 566 с.
18. Житие Сергия Радонежского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3933>, свободный.
19. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.
20. Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. I. Жизнеописание преподобного Сергия // Седмица.ru. – URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/438551/>, свободный.
21. Борисов Н.С. Сергей Радонежский. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 298 с.
22. Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI в. – М.: Индрик, 2005. – 288 с.
23. Филюшкин А.И. Василий III. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 346 с.
24. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4615>, свободный.
25. Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, 1982. – С. 306–359.
26. Данилевский И.Н. Казус Сергия Радонежского // Данилевский И.Н. Историческая текстология. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. – С. 475–482.
27. Азбелев С.Н. Об уникальных известиях Никоновской летописи // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сб. ст. к 150-летию со дня рожд. ученого. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 317–327.

Поступила в редакцию
07.09.2020

Новосёлов Александр Леонидович, ассистент кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: alnovo92@mail.ru

**Miracles of the Saints in Nikon's Chronicle
as a Source for the Study of the Church Ideology during the 1520s–1530s**

A.N. Novoselov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: alnovo92@mail.ru

Received September 9, 2020

Abstract

This paper examines the informative potential of miracles described in Nikon's Chronicle. Miracles are understood as a symbolic genre of the Old Russian literature. They are stories about unexpected and miraculous events taking place through the will of God and solving some earthly problems. The miracles worked by the following Russian saints were analyzed: Saint Peter of Moscow, Sergius of Radonezh, Barlaam of Khutyn, etc. The texts of miracles from the saints' lives, Russian chronicles dating from the 15th century to the early 16th century, and Nikon's Chronicle were compared. It was concluded that the storylines had been considerably revised in the 1520s–1530s. A hypothesis was introduced that the texts were transformed as a result of the influence exercised by Maximus the Greek and the non-possessors, who expressed doubts that certain metropolitans and monastery rectors could have been recognized as miracle workers. This hypothesis was confirmed through the comparative analysis of Nikon's Chronicle and the trial minutes of Maximus the Greek. The conclusion was made that the miracles described in the earlier sources were rewritten in the subsequent years to shift the emphasis on the important role played by certain church figures in the key historical events.

Keywords: miracles, Nikon's Chronicle, Russian Church history, holiness, Russia, 16th century

References

1. Sofia Second Chronicle. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4296>. (In Russian)
2. Lviv Chronicle. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4283>. (In Russian)
3. Joasaph's Chronicle. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4280>. (In Russian)
4. Nikon's Chronicle. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4286>. (In Russian)
5. Kloss B.M. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [Nikon Chronicle and Other Russian Chronicles of the 16th–17th Centuries]. Moscow, Kvadriga, 2018. 366 p. (In Russian)
6. Simeon's Chronicle. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4294>. (In Russian)
7. Chronographic Chronicle of Novgorod. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4292>. (In Russian)
8. Trinity Chronicle. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4299>. (In Russian)
9. Muscovite chronicles of the late 15th century. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4273>. (In Russian)

10. Nasonov A.N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniya* [The History of Russian Chronicle Writing between the 11th and the Early 18th Centuries: Essays and Studies]. Moscow, Nauka, 1969. 555 p. (In Russian)
11. Pliguzov A.I. *Polemika v russkoi tserkvi pervoi treti XVI stoletiya* [Controversy in the Russian Church during the First Third of the 16th Century]. Moscow, Kvadriga, 2017. 420 p. (In Russian)
12. Pokrovskii N.N. Trial minutes of Maximus the Greek and Isaac Sobaka. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/sudnye-spiski-maksima-greka-i-isaka-sobaki. (In Russian)
13. Gadalova G.S. Canonization of St. Makariy of Kalyazin, his services and lives: (Based on the conference proceedings). *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki*, 2002, no. 3, pp. 43–53. (In Russian)
14. Dmitriev L.A. A Tale about the Death of Pafnutii of Borovsk. Commentaries. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Old Russian Literature Library]. Vol. 7. St. Petersburg, Nauka, 1999, pp. 519–521. (In Russian)
15. Vassian Sanin. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3761>. (In Russian)
16. Golubinskii E.E. *Istoriya kanonizatsii svyatykh v russkoi tserkvi* [The History of Canonization of Saints within Russian Orthodox Church]. Moscow, Krutitskoe Patriarshee Podvor'e, 1998. 605 p. (In Russian)
17. Kloss B.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1: The Life of St. Sergius of Radonezh. Moscow, Yaz. Russ. Kul't., 1998. 566 p. (In Russian)
18. The Life of St. Sergius of Radonezh. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3933>. (In Russian)
19. Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'e: Feodal'naya voina v Rossii XV v.* [A Knight at the Crossroads: A Feudal War in Russia of the 15th Century]. Moscow, Mysl', 1991. 286 p. (In Russian)
20. Golubinskii E.E. St. Sergius of Radonezh and his Trinity Lavra. I. The Life of St. Sergius of Radonezh. *Sedmitsa.ru*. Available at: <https://www.sedmitsa.ru/lib/text/438551/>. (In Russian)
21. Borisov N.S. *Sergii Radonezhskii* [Sergius of Radonezh]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2014. 298 p. (In Russian)
22. Morozov V.V. *Litsevoi svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI v.* [Illuminated Compiled Chronicle]. Moscow, Indrik, 2005. 288 p. (In Russian)
23. Filyushkin A.I. *Vasilii III* [Vasili III of Russia]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2010. 346 p. (In Russian)
24. The Tale of the Rout of Mamai. In: *Biographical Dictionary of Medieval Russian Literature*. Available at: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4615>. (In Russian)
25. Dmitriev L.A. The literary history of major source books in the Kulikovo cycle. In: *Skazaniya i povesti o Kulikovskoi bitve* [The Tales and Stories of the Battle of Kulikovo]. Leningrad, Nauka, 1982, pp. 306–359. (In Russian)
26. Danilevskii I.N. The casus of Sergius of Radonezh. In: Danilevskii I.N. *Istoricheskaya tekstologiya* [Historical Textology]. Moscow, Izd. Dom VshE, 2018, pp. 475–482. (In Russian)
27. Azbelev S.N. On the unique tidings of Nikon's Chronicle. In: *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie: Sb. st. k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo* [Academician A.A. Shakhmatov: Life, Work, and Scientific Legacy: A Collection of Papers Dedicated to His 150th Birth Anniversary]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2015, pp. 317–327. (In Russian)

Для цитирования: Новосёлов А.Л. Чудеса святых в Никоновской летописи как источник изучения церковной идеологии 20–30-х годов XVI века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 6. – С. 58–73. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.58-73.

For citation: Novoselov A.N. Miracles of the saints in Nikon's Chronicle as a source for the study of the church ideology during the 1520s–1530s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 6, pp. 58–73. doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.58-73. (In Russian)